Volume 21 Issue 55
Originally issued as A12

Global Journal of human-social science: A
Arts & Humanities - Psychology
Volume 21 Issue 12 Version 1.0 Year 2021
Type: Double Blind Peer Reviewed International Research Journal
Publisher: Global Journals
Online ISSN: 2249-460X & Print ISSN: 0975-587X

Differences in Style in the Plots of the Song Poetry of the Volga Turks

By Mikhail Kondratyev

Abstract- Chuvash and Tatars are two Turkic-speaking peoples formed in the Volga region. The commonality of their folklore traditions has deep historical and genetic roots. This concerns, in particular, the typology of the song plot, described through the concept of short-plot as a kind of Eastern poetic aphoristics. The main difference between the Chuvash and Tatar plots lies in the poetic style. In the Chuvash, it is communal, due to the content of the rites. The archaic ritual culture of the Volga Tatars underwent cardinal transformations under the influence of Islam. This explains the emphasized personal, sometimes intimate-exquisite style of their song plot.

A comparison of Chuvash and Tatar subjects shows that their differences lie outside the common cultural and genetic "heritage" of the ancestors of the two neighboring peoples. Ritualism, introduced by Islamic preachers, for centuries in the culture of the Volga Tatars replaced the primordial local carnival style. As a result, the genre nature and style of folk song poetry have changed.

Keywords: chuvash, volga tatars, commonality and difference of folklore traditions, song plot, style of folk song poetry, ritual culture, heritage of ancestors, influence of islam.

GJHSS-A Classification: FOR Code: 190499

Strictly as per the compliance and regulations of:

© 2021. Mikhail Kondratyev. This research/review article is distributed under the terms of the Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International (CC BY-NC-ND 4.0). You must give appropriate credit to authors and reference this article if parts of the article are reproduced in any manner. Applicable licensing terms are at https://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/.

Differences in Style in the Plots of the Song Poetry of the Volga Turks

Стилевые различия сюжетики песенной поэзии тюрков Поволжья

Mikhail Kondratyev

Аннотация- **Чуваши и татары – два тюркоязычных народа, сформировавшиеся в Поволжье. Общность их фольклорных традиций имеет глубокие историко-генетические корни. Это касается, в частности, типологии песенного сюжетосложения, описываемой через понятие краткосюжетности как разновидности восточной поэтической афористики. Главное различие чувашской и татарской сюжетики заключено в поэтическом стиле. У чувашей он общинный, обусловленный содержанием обрядов. Архаичная обрядовая культура волжских татар претерпела кардинальные трансформации под влиянием ислама. Этим объясняется подчёркнуто личностный, местами интимно-изысканный стиль их песенной сюжетики.**

Сравнение чувашских и татарских сюжетов показывает, что их различия лежат за пределами общего культурно-генетического «наследства» предков двух соседящих народов. Обрядность, привнесенная исламскими проповедниками, в течение столетий в культуре волжских татар заменила исконную местную карнавальность. Вследствие этого изменились жанровая природа и стиль народно-песенной поэзии.

Ключевые слова: чуваши, волжские татары, общность и различие фольклорных традиций, песенное сюжетосложение, стиль народно-песенной поэзии, обрядовая культура, наследие предков, влияние ислама.

Abstract- Chuvash and Tatars are two Turkic-speaking peoples formed in the Volga region. The commonality of their folklore traditions has deep historical and genetic roots. This concerns, in particular, the typology of the song plot, described through the concept of short-plot as a kind of Eastern poetic aphoristics. The main difference between the Chuvash and Tatar plots lies in the poetic style. In the Chuvash, it is communal, due to the content of the rites. The archaic ritual culture of the Volga Tatars underwent cardinal transformations under the influence of Islam. This explains the emphasized personal, sometimes intimate-exquisite style of their song plot.

A comparison of Chuvash and Tatar subjects shows that their differences lie outside the common cultural and genetic "heritage" of the ancestors of the two neighboring peoples. Ritualism, introduced by Islamic preachers, for centuries in the culture of the Volga Tatars replaced the primordial local carnival style. As a result, the genre nature and style of folk song poetry have changed.

Keywords: chuvash, volga tatars, commonality and difference of folklore traditions, song plot, style of folk song poetry, ritual culture, heritage of ancestors, influence of islam.

Author: Dr. Sci. (Arts), Chief Scientist in the Art Department, Chuvash State Institute of Humanities Russia.
e-mail: Mikh-kondratev@yandex.ru

Introduction

Более тысячи лет в Поволжье бок о бок проживают два крупных тюркоязычных народа – чуваши и татары. Их самобытные культурные традиции имеют много общего. Родственные по языку (чуваши – представители булгарской ветви, татары – булгаро-кыпчакской ветви), они различаются в религиозном отношении – многовековом мусульманстве у татар, православии у чувашей. Общность традиций – и результат длительного соседства в пространстве сменявших друг друга государственных образований (Волжской Булгарии, Золотой орды, Казанского ханства, Российской империи), и наследие предков, связанного с их доисламским и дохристианским прошлым. По этому поводу уместно вспомнить, слова классика татарской поэзии Габдуллы Тукая: «Булгарские города с их оригинальной архитектурой и булгарские деревни исчезли без следа, разрушились, будто их не было. А наше драгоценное наследие – народные песни – и пушки не разбили, и стрелы не пронзили. Пережив многие беды и напасти, они вопреки всем невзгодам сохранились в памяти народа».[1] Сходным образом и чуваши, пережив на этой территории те же эпохи, сберегли устное музыкально-поэтическое наследие предков.

Под этим углом зрения автор настоящей статьи изучал чувашскую и татарскую народно-песенную сюжетику, решая задачу выявления следов генетического «субстрата». Общность поэтических традиций чувашей и волжских татар в работах 1990-х годов была показана через понятие краткосюжетности как разновидности восточной поэтической афористики[2]. В монографии «Чувашская *çавра юрă* и ее татарские параллели» сказанное аргументировалось сотней примеров полных или частичных совпадений поэтических

[1] *Тукай Г.* Избранное. М.: Советская Россия, 1975. С. 139.

[2] См., например: *Кондратьев М.Г.* Краткосюжетность как типологическое свойство чувашской и татарской народно-песенной поэзии // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах. 9-13 июня 1992, г. Казань. Т. II. – М.: Инсан, 1997. – С. 185-187.

© 2021 Global Journals

строф чувашского и татарского фольклора[3]. В связи с поставленной задачей в этих публикациях были указаны лишь некоторые частные различия поэтических традиций двух народов, обусловленные разнонаправленной эволюцией исходной общности.

В предлагаемой статье ставится противоположная задача – вскрыть различия в традиционной фольклорной сюжетике, лежащие за пределами общего генетического «наследства».

Главное отличие, ощутимое при самом поверхностном знакомстве с текстами, – поэтический стиль. У чувашей он общинный, связанный с канонами обрядов. Показательно, что даже в своих любовных излияниях чувашские девушки нередко используют местоимения во множественном числе *пирĕн* (наш) вместо *манăн* (мой):

Хĕреслĕ тенкĕ тӳнтерле,
Çакайрасчĕ пиччĕн май.
Пирĕнех савни тӳнтерле те.
Çаврайрасчĕ хамăр май.

Крестообразное монисто завернулось,
Перевесить бы лицевой стороной;
От нас же возлюбленный отвернулся да,
Возвратить бы [его] к себе[4].

Поэтический стиль татарских песен – подчёркнуто индивидуальный, личностный, местами интимно-изысканный. Любовные сюжеты полны чувства восхищения красотой девушки, выражаемого через по-восточному цветистые метафоры и сравнения:

Су өстендә ак күбек тә,
Җомарлаган май кебек;
Аwзый уймак, бите каймак,
Теле эчкәч – бал кебек.

Сигез җаннәт ишеге ачылыр микән
Без кавышкан атна кичләрдә?

На поверхности воды – белая пена,
Как сбитое масло.
Ротик у неё – напёрсток, личико – сметана,
Язык как мёд.

Откроются ли восемь врат рая,
Когда в четверг мы соединимся?[5]

Контраст такому любовному обожанию красавиц в чувашских сюжетах составляет ритуальное охаивание девушек чужой деревни в так называемых «корильных» (т.е. величальных «наоборот») песнях женихова поезда:

Çакă яла килтĕмĕр –
Ни сар хĕр çук, çыр хĕр çук;
Хури куçран каймарĕ –
Тапса утма пулмарĕ[6].

В эту деревню заехали –
Ни блондинок нет, ни шатенок нет;
Чернявые всё перед глазами –
Проходу не давали.

Подобным образом происходит осмеивание девушек соседней улицы или деревни и в весенних хороводах.

Стилевую разницу двух этнокультурных поэтических традиций едва ли не наиболее отчётливо демонстрируют сюжетные мотивы, связанные с эросом.

Эротика в фольклоре – вещь традиционная. В той или иной степени она присуща обрядовым и карнавальным-праздничным традициям любого народа. В обыденном общении эротические мотивы вуалируются или табуируются как непристойность. Но в сакральном контексте они обнажаются. Такое обнажение мы видим, например, у чувашей в песнях свадебного обряда. *Туй нукĕрĕсем* (дружки жениха) дерзко обращаются к подружкам невесты *хĕрçумĕсем*:

Айта, аки, яра пар,
Йолашкине пире пар —
Ик чĕччине мăкăртса,
Копарчине каçăртса.
Таш[ă] та лайăх полсассăн,
Хамăр инке тăвăпăр.
Хамăр инке полмасан,
Хамăр арăм тăвăпăр[7].

Давай, сестрёнка, начинай [плясать],
Концовку нам отдай —
Обе груди выставляя,
Ягодицы поднимая.
Если пляска будет хороша,
Своей снохой сделаем.
Если снохой не станешь,
Своей женой сделаем.

Исполняя ритуальный плач невесты *хĕр йĕрри* даже девушка не избегает обсценной лексики:

Атте парсан — каяс пуль,
Хĕве хупсан — парас пуль.
Пӳрнеске пек пĕстеме
Алса туль пек тăвайчĕ[8].

[3] Кондратьев М.Г. Чувашская çаврa юрă и ее татарские параллели. – Чебоксары, 1993. – 80 с.

[4] Парамонов Т.П. Чувашские народные песни. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. № 73. Здесь и далее подстрочные переводы дакются курсивом.

[5] *Мошков В.А.* Мелодии Волго-Камья / В.А. Мошков [под ред. М.Г. Кондратьева и Н.Ю. Альмеевой]. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2011. – С. 257, 265.

[6] Ираида Вдовина юрлакан чăваш халăх юррисем А.А. Осипов пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1985. – С. 23.

[7] *Мошков В.А.* Мелодии Волго-Камья / В.А. Мошков [под ред. М.Г. Кондратьева и Н.Ю. Альмеевой]. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2011. – С. 101.

© 2021 Global Journals

Если отец выдаст — пойти придется,
В амбар закроют — отдаться придется.
С наперсток п...
С варежку смог сделать.

Провокационные упоминания предметов, в повседневной жизни не называемых, нередки и в песнях календарных обрядов. Например, в песнях праздника проводов зимы *çăварни* (масленицы), представляющего собой восточноевропейский аналог карнавалов, распространённых в католических странах. Их исполняют парни, зовущие подружек покататься:

Инке икерч пĕçерет
Çупа пуçса çитерет.
Вуник икерч – пĕр çăкăр,
хĕрсен чĕччи тăр-тăр-тăр.
Катаччи! Катаччия![9]

Тётка блины печёт,
В масло обмакнув, угощает.
Дюжина блинов – один каравай,
У девок груди трепыхаются.
Кататься! На катанье!

Во время весенних хороводов, водимых холостой молодёжью, эрос представлен непристойными намёками:

Улăм ури куçас пек,
ĕне пырса выртас пек;
Наçтаç вырăн сарас пек,
Ринах пырса выртас пек[10].

Соломенный скирд сдвинется, похоже,
Корова, придя, ляжет, похоже;
Настасья ложе застелет, похоже,
Иринарх, придя, ляжет, похоже.

Подобные примеры можно умножить, образцы встречаются во многих фольклорных изданиях. В частности, специально они подобраны в сборнике «Чувашский мерекке: анекдоты, шутки, юморески, дразнилки, иронии, эротический фольклор»[11].

***

В татарском фольклоре эротические сюжеты встречаются не реже, чем у соседних народов, но они имеют другой характер. Это связано с тем, что обрядовая культура волжских татар претерпела кардинальные трансформации под влиянием ислама, который «с X в. стал государственной религией Булгарии… сделался основным стержнем ее этнокультуры»[12] и впоследствии глубоко укоренился в татарской культуре. Соответствующим образом комментируется отсутствие специальных песен, приуроченных к свадебному обряду: «Исследователи быта казанских татар конца XIX и нач. XX в. отмечали, что на их свадьбах мало веселья, редко услышишь пение, пляску и игру на музыкальных инструментах… Отсутствие, а вернее, исчезновение указанных песен у казанских татар объясняется прежде всего тем, что с XIX в. резко усиливается влияние на народные массы ислама и его блюстителей»[13]. Аналогичны замечания исследователей и о содержании календарных праздников. Например: «Если к играм и состязаниям [в день праздника сабантуй] … мусульманское духовенство относилось более или менее лояльно, иногда даже муллы присутствовали на майдане, то к совместным гуляниям и развлечениям молодежи духовенство относилось резко отрицательно»[14].

Это не значит, что в песенном фольклоре волжских татар эротические сюжеты попали под запрет. Вытесненный из обряда эрос нашёл себе место в лирике, приобретя интимно-личностный характер. Примеры многочисленны:

Бадыйан сиптем йөрүгән йолыңай,
Чиш биленне, керәйем койнуңа(й).

Ал да беткән, гөл дә беткән
Шул Зәйнәпнең битенә.
Арпа сатып алган акча
Китте Зәйнәп күтенә.

Урам буйлап берәү килә,
Кулларында пирчәткә;
Дәртсез кызлар дәртләнер
Кулың салсаң имчәккә.

Ак каенның ботагын
Төбен-астын сындырдым; .
Син дә булдын, мин дә булдым.
Шул матурны берг'үптек. .

Бийек кенә таунын башында
Аппак, аппак җиләк чәчәге;
Акча гына бирсән, бир кызларга,
Ак шалкандай булыр имчәге.

[8] *Мошков В.А.* Мелодии Волго-Камья / В.А. Мошков [под ред. М.Г. Кондратьева и Н.Ю. Альмеевой]. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2011. – С. 135.

[9] Песни средненизовых чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1993. С. 216. №157.

[10] Песни средненизовых чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1993. С. 228. №172.

[11] Ендеров В.А., Метин П.Н., Одюков И.И. Чăвашмерекки / Чувашский мерекке: анекдоты, шутки, юморески, дразнилки, иронии, эротический фольклор. – Чебоксары: ЧОУ Центр «Интеллект», 2017. 420 с.

[12] Татары. – М.: Наука, 2001. С. 79.

[13] *Нигмедзянов М.Н.* Народные песни волжских татар. М.: Советский композитор, 1982. С. 49.

[14] Татары среднего Поволжья и Приуралья. Отв. ред. Н.И. Воробьев и Г.М. Хисамутдинов. М.: Наука, 1967. С. 299.

© 2021 Global Journals

Посеял я (растение) бадьян на дороги, где ты ходишь
Распояшься (за это), – я хочу залезти к тебе в пазуху.

И алое, и розовое
Ушло на лицо Зайнап.
Все деньги от продажи ячменя
Ушли на утехи (букв. в зад) с Зайнап.

Вдоль по улице идёт человек,
Руки в перчатках.
Даже холодные девушки вспыхнут,
Если руку положишь им на грудь.

Ветви берёзы
Обломал я снизу
И ты был, и я был,
Целовали мы вместе эту красавицу.

На вершине высокой горы
Белый-пребелый ягод цвет.
Если уж давать кому деньги, то девушкам,
[Увидишь, что] у них груди белы, как репа[15].

Кыз куйына керся хай тик жатма,
Кыз сатыр кійлярен бик сакла...

Апак диляр бик мактиляр
Алм´агасның сисяген;
Юмры диляр юмшак диляр
Кыз баланың имсяген.

Если к девице за пазуху попадёшь, ох, даром не лежи;
Девичью невинность очень береги.

Они называют белыми и хвалят
Цветы яблони;
Они называют круглыми и мягкими
Груди девиц.

В полог, вытканный узорами,
Я тайком забрался:
Девушка внизу, я – наверху,
И дивное дело совершили[16].

Источником любовно-эротических сюжетов в татарском фольклоре стала поэзия тюркоязычных народов Центральной Азии, распространявшаяся в городах Булгарии и Казанского ханства. Исследователями отмечается, что «поэтический язык татарских любовно-лирических песен перекликается с восточной лирикой, с лексикой любовно-лирических песен народов Средней Азии. Это результат тесных культурных связей татар со Средней Азией, с Востоком…»[17]. Проникая в простонародную среду, утонченные книжные сюжеты трансформировались, нередко опрощаясь и вульгаризируясь. В таких песнях обнажается индивидуальная чувственность, высказываются необузданные, неодолимые, сладострастные желания. Собиратель XIX века комментировал, что в них «дело доходит часто до неудобных откровений и реализма»[18].

Сравнение приведенных четверостиший с чувашскими показывает, что их различия лежат за пределами общего культурно-генетического «наследства» предков двух соседящих народов. В обрядовых песнях, сохранённых чувашами с древних времён, эрос присутствует как бы «коллективно-обобщённо» – главным образом в устах обезличенных участников обрядового действа, персонажей игры. Такова сущность смеховой карнавальной культуры, целью которой является врéменное – в рамках обрядово-праздничной обстановки – освобождение от регламентированных форм обычного социального поведения. В культуре волжских татар обрядность, привнесенная исламскими проповедниками, в течение столетий заменила исконную местную карнавальность. Вследствие этого изменились жанровая природа и стиль народно-песенной поэзии.

Литература и Источники

1. *Ендеров В.А., Метин П.Н., Одюков И.И.* Чăваш мерекки / Чувашский мерекке: анекдоты, шутки, юморески, дразнилки, иронии, эротический фольклор. – Чебоксары: ЧОУ Центр «Интеллект», 2017. 420 с.
2. Ираида Вдовина юрлакан чăваш халăх юррисем. А.А.Осипов пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 1985. - 264 с.
3. *Исхакова-Вамба Р.А.* Народные песни казанских татар крестьянской и городской традиций. Казань, 1976. С. 58-59.
4. *Кондратьев М.Г.* Краткосюжетность как типологическое свойство чувашской и татарской народно-песенной поэзии // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Труды международной конференции в 3-х томах. 9-13 июня 1992, г. Казань. Т. II. – М.: Инсан, 1997. – С. 185-187.
5. *Кондратьев М.Г.* Чувашская *çавра юрă* и ее татарские параллели. – Чебоксары, 1993. – 80 с.

[15] *Мошков В.А.* Мелодии Волго-Камья / В.А. Мошков [под ред. М.Г. Кондратьева и Н.Ю. Альмеевой]. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2011. – С. 247 (221), 258 (232), 260 (234).

[16] *Рыбаков С.Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. - СПБ., 1897. С. 78, 98, 105. К последнему четверостишию по поводу отсутствия татарского текста собиратель сделал примечание: «К нижеследующему переводу был приложен мною отдельный текст арабским шрифтом, но он впоследствии не оказался».

[17] *Исхакова-Вамба Р.А.* Народные песни казанских татар крестьянской и городской традиций. Казань, 1976. С. 58-59.

[18] *Рыбаков С.Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. - СПБ., 1897. – С. 65

© 2021 Global Journals

6. *Мошков В.А.* Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края. I. Мелодии чувашских песен // ИОАИЭ при Казанском ун-те, 1893. Т.XI. Вып. 1-4. С. 31-64, 167-182, 261-276, 369-376.
7. *Мошков В.А.* Мелодии Волго-Камья / В.А. Мошков [под ред. М.Г. Кондратьева и Н.Ю. Альмеевой]. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2011. - 366 с.
8. *Нигмедзянов М.Н.* Народные песни волжских татар. М.: Советский композитор, 1982. 135 с.
9. *Парамонов Т.П.* Чувашские народные песни. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. № 73.
10. Песни среднеизовых чувашей. Чебоксары: ЧГИГН, 1993. 336 с.
11. *Рыбаков С.Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. - СПБ., 1897. 330 с.
12. Татары среднего Поволжья и Приуралья. Отв. ред. Н.И. Воробьев и Г.М. Хисамутдинов. М.: Наука, 1967. 540 с.
13. Татары. – М.: Наука, 2001. 583 с.
14. *Тукай Г.* Избранное. – М.: Советская Россия, 1975. 176 с.

© 2021 Global Journals